

УДК 800.372.8

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© 2009 Л.С. Бейлинсон

Волгоградский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 24 октября

Аннотация: Рассматриваются прагмалингвистические подходы к описанию институционального дискурса на материале профессиональной речи логопеда. Анализируется специфика институционального проявления коммуникативных постулатов, речевых актов, аргументативных приемов и коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: дискурс, прагмалингвистика, речь логопеда, коммуникативные постулаты, речевые акты, аргументативные приемы, коммуникативные стратегии.

Abstract: The article is devoted to pragmalinguistic approaches to institutional discourse as represented by speech therapist communicative behaviour. Institutional manifestation of communicative postulates, speech acts, argumentation moves and communicative strategies is analyzed.

Key words: discourse, pragmalinguistics, speech therapist verbal behaviour, communicative postulates, speech acts, argumentation moves, communicative strategies.

Логопедический дискурс является институциональным общением логопеда с ребенком, страдающим нарушениями речи, и сопровождающими этого ребенка взрослыми, как правило, родителями пациента. Анализ логопедического дискурса может осуществляться с разных точек зрения: профессионалы-логопеды будут обращать внимание на эффективность осуществления функциональных обязанностей специалиста, способного провести курс коррекции речевых нарушений, используя при этом различные методики такой работы; психологи рассмотрят мотивацию коммуникативного поведения участников общения, модели их самопрезентации, лично-релевантные способы оказания влияния на собеседников и т. д.; культурологов заинтересует принятый в данном обществе тип институционального общения в целом применительно к коммуникативной практике общения взрослых и детей; лингвисты сфокусируют свое внимание на соотношении содержания и формы коммуникативного поведения с учетом культурно-языко-

вых, ситуативных и личностных характеристик участников общения.

Прагмалингвистический анализ логопедического дискурса имеет целью определить, классифицировать и описать соответствующий тип общения в рамках разработанных в прагмалингвистике моделей изучения коммуникации — с позиций коммуникативных постулатов, речевых актов, аргументативных приемов и коммуникативных стратегий.

Отметим, что прагмалингвистика в целом представляет собой совокупность многих концепций, теоретический аппарат которых весьма разнороден. В последнее десятилетие внимание языковедов к прагмалингвистической проблематике несколько ослабло, на первый план выдвинулись вопросы когнитивного моделирования языка, лингвокультурологии и теории дискурса. Упрощая положение дел, можно сказать, что теория дискурса в значительной мере унаследовала проблематику прагмалингвистики, при этом центр тяжести сместился с вопроса «Почему общение разворачивается определенным образом?» на вопрос «Как осуществляется общение?».

С позиций теории коммуникативных постулатов, т. е. принципов и правил естественного общения, логопедический дискурс представляет собой целерациональное коммуникативное поведение неравноправных участников общения, один из которых является представителем общества, олицетворяющим социальный институт профессионально подготовленных специалистов, осуществляющих медико-педагогическую помощь населению, а другой — представителем населения, нуждающимся в такой помощи. Второй участник обычно конкретизируется как пара «ребенок + взрослый».

Постулаты институционального дискурса можно сформулировать как уточненные постулаты общения в целом. В рамках концепции коммуникативных постулатов Г.П. Грайса выделяются общий принцип кооперативности в общении и четыре частных принципа достаточной информативности, правдоподобия, релевантности и соблюдения конвенций общения [1, 45-47]. Дж. Лич дополняет эти постулаты общим принципом вежливости и более частными принципами такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии [2, 132].

Институциональное уточнение указанных принципов носит, на наш взгляд, следующий характер: принцип кооперативности конкретизируется как долг вести общение со стороны представителя института и необходимость вступать в общение со стороны представителя социума. Иначе говоря, это уточнение носит модальный характер долженствования (предписанности) в первом случае и необходимости (вынужденности) во втором случае. Требование информативности уточняется как постулат статусно обусловленной информативности (специалист должен быть знатоком своего дела и продемонстрировать это клиенту). Требование правдоподобия (постулат качества) в институциональном общении проявляется как конвенционально ограниченная правдивость общения (дипломаты, врачи, юристы могут быть правдивы в пределах своих полномочий). Требование релевантности является системообразующим в институциональном дискурсе: его участники жестко ограничены в тематике своего общения (в обиходном дискурсе коммуниканты часто меняют темы общения). Требование соблюдать сложившиеся правила общения выражается в институциональном дискурсе как жесткое следование определенному коммуникативному стилю (говорить, как военный, как священник, как дипломат, как учительница начальной школы и т. д.).

Институциональное уточнение принципа вежливости сводится к поддержанию дистанцированного, доброжелательного и беспристрастного отношения к собеседнику. Принципы сознательного самопринижения ради улучшения контакта с собеседником (такт, великодушие, одобрение,

скромность, согласие и симпатия) проявляются в институциональном дискурсе как требование поддержания имиджа социального института, с которым отождествляет себя говорящий и представителем которого он выступает.

Институциональное уточнение речевых актов — элементарных коммуникативных действий, ведущей характеристикой которых является интенция говорящего, — возможно в нескольких аспектах.

Критерий информативности дает возможность противопоставить информативные и фатические речевые акты, при этом следует отметить, что в институциональном общении имеют место оба названных типа речевых действий, поскольку информативность и фатика являются неотъемлемыми компонентами любого дискурса. Институциональная специфика как информативных, так и фатических речевых поступков состоит в акцентировании внеличностных, представительских характеристик участников общения. Иначе говоря, общаясь институционально, коммуниканты выступают только в одной роли, заданной рамками соответствующего института, в нашем случае это логопед и пациент, соответственно тематика разговора может касаться болезни, лечения и сопутствующих обстоятельств.

Критерий воздействия дает возможность противопоставить побудительные и эмоционально-экспрессивные речевые акты, при этом институциональный характер общения приводит к сокращению диапазона побудительных и эмоционально-экспрессивных коммуникативных действий, их высокой предсказуемости. Например, обратившись к детальной классификации речевых действий в работе А.А. Романова [3], мы можем отметить, что в разряде комиссивов маловероятны обещания, но уместны гарантии, в разряде экспозитивов нет места угрозам, в разряде сатисфактивов не используются упреки, в разряде реквестивов — мольбы. Вместе с тем некоторые речевые акты носят институциональный характер по своей сути, например инъонктивы (приказы и распоряжения) и инструктивы (предписания и запреты).

Критерий эксплицитности позволяет противопоставить явные и скрытые речевые действия. Мы разделяем позицию В.В. Дементьева, полагающего, что естественное общение имеет преимущественно непрямой характер [4]. Отсюда вытекает тезис о том, что и институциональный дискурс в значительной мере носит непрямой характер. Если в обиходном общении непрямая коммуникация объясняется ситуативно и личностно, то в институциональном дискурсе такое общение характеризуется принятыми в соответствующем социальном институте конвенциями. Например, совет в обиходном общении дает относительную свободу адресату в плане выполнения определенных действий, рекомендация врача носит в этом плане более жесткий характер.

Аргументативные приемы характеризуют способ оказания интенционального воздействия на адресата и подразделяются на четыре базовых типа: 1) воздействие посредством авторитета, законной власти, носителя институционально более высокого статуса, 2) воздействие посредством манипуляции, т. е. маскируемой власти, 3) воздействие посредством рационального убеждения, 4) воздействие посредством физической и психической силы [5, 11].

Первый тип воздействия носит отчетливо институциональный характер: любая информация воспринимается как важная и подлежащая не критическому восприятию вследствие неравного статуса участников общения. В этом случае аргументативные приемы характеризуются простотой выражения, ясностью и четкостью формулировок. Это объясняется стремлением агентов института подвести общение к известным типовым моделям, например, врач диагностирует состояние пациента, задавая ему стандартные вопросы, учитель оценивает ответ ученика, исходя из заданных стандартом критериев ответа, юрист консультирует клиента, принимая во внимание нормы права. Аргументация носит в целом свернутый характер: представитель института не обязан объяснять, почему он выполняет то или иное действие. Обратим внимание на лингвокультурный аспект этого явления: в русской лингвокультуре хирург обычно не информирует пациента о технике предстоящей операции, ее этапах и т. д., в то время как в англоязычном мире такая информация является компонентом медицинского дискурса. В последнее время, впрочем, подобное информирование стало внедряться в практику отечественного медицинского дискурса.

Манипуляция как скрытое воздействие, имеющее целью получение выгоды в ущерб интересам адресата, используется в любом типе общения. Институциональная манипуляция весьма разнообразна: в политическом дискурсе она направлена на получение символического капитала в виде волеизъявления избирателей, в медицинском и педагогическом дискурсе — на повышение престижа агентов соответствующего института [6].

Институциональные аргументативные приемы относятся к ведению не только лингвопрагматики, но и лингвориторики. Как известно, основные категории риторики — это этос, пафос и логос, т. е. условия, в которых осуществляется диалог, намерение отправителя речи и словесные средства, используемые для реализации намерения [7]. Этос включает культурные, ситуативные и личностные условия общения, и в этом смысле в институциональной коммуникации этос жестко определен рамками соответствующего института (в культурном плане этос определен пресуппозициями: «Здесь принято вести себя так-то», «От меня

ждут того-то», «Мне должны сказать то-то»). Соответственно, пафос участников такого общения является в значительной мере предсказуемым («В ответ на такое-то высказывание или коммуникативное действие я скажу или сделаю то-то»). Нетрудно заметить, что пафос как традиционная категория риторики соотносится с иллокуцией в прагмалингвистике, хотя намерение (пафос) шире по своей сути, чем конкретная коммуникативная интенция (иллокуция). Логос же в рамках риторики представляет собой систему коммуникативных способов, принятых в соответствующем обществе и ситуации общения. Отметим, что прагмалингвистика понимает систему коммуникативных способов как соотношение вербальных (локуция) и невербальных средств общения, в то время как в риторике противопоставляются языковые средства, коммуникативные приемы и коммуникативные действия (например, выбор лексики и фразеологии, подбор убедительных метафор, антитез и повторов и заранее продуманная презентация речи с учетом пауз, жестов, темпа речи и т. д.).

Логопедический дискурс не требует использования ораторских приемов, но, тем не менее, эффективность общения (перлокуция, которая осталась за рамками традиционной риторики) интуитивно принимается во внимание практикующими специалистами.

Эффективность аргументации логопеда может быть внешней и внутренней, а также немедленной и пролонгированной для адресата [8]. В первом случае адресат внимательно слушает логопеда, в ряде случаев записывает рекомендации и предписания, словесно подтверждая согласие с репликами логопеда, во втором случае поведение ребенка, страдающего речевыми нарушениями, показывает логопеду при повторном приеме, выполнялись ли рекомендации специалиста. В том случае, если наблюдается постепенное устранение речевого нарушения, логопед вправе сделать вывод об успешном течении процесса, в обратном случае специалист выражает сомнение в том, что родители занимались дома с ребенком речевыми упражнениями, направленными на устранение соответствующего дефекта произношения, либо предполагает наличие неучтенного ранее осложняющего фактора психологической либо соматической природы, например сложные отношения в семье или перенесенное ребенком заболевание, о котором родители не сообщили логопеду.

Коммуникативные стратегии понимаются в данной работе как типовые способы достижения запланированных целей участников общения. Вслед за Р. Лакофф мы противопоставляем обычное и персуазивное общение (цит. по: [9, 21] и полагаем, что институциональное общение по своей сути является персуазивным, т. е. направленным на достижение

осознанного результата. Этот осознанный результат может сводиться к совокупности целей общения: достижение конкретной задачи в определенных условиях (например, выраженное согласие адресата выполнить то или иное действие), повышение имиджа социального института, с которым ассоциирует себя его представитель, изменение системы ценностей в сознании адресата.

Типология коммуникативных стратегий строится на различных основаниях, например тип мотивации говорящего (санкции, потребности говорящего, рациональные доводы), способ контроля за эффективностью мотивации (со стороны отправителя либо получателя речи), эксплицитность воздействия (явное или скрытое воздействие), направленность на прошлое, настоящее или будущее [9]. Т.Е. Янко определяет структуру коммуникативной стратегии как шестичленное образование: 1) глобальное речевое намерение, 2) учет ситуативных параметров, 3) распределение информации по квантам тема-рематической структуры высказываний, 4) соотнесение этих квантов информации с состояниями сознания собеседников, 5) определение порядка следования этих квантов информации, 6) настройка коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим в жанрово-стилевом плане [10, 38]. Эта модель основана на анализе текстов, из содержания которых индуктивным путем конструируются коммуникативные стратегии. Такая модель сориентирована на неперсуазивное общение, на поиск ежесекундно меняющихся установок и мотивов, в то время как в институциональном дискурсе личностная составляющая принципиально вторична, установки определены целями института, мотивы определяются не игрой настроения участников общения, а их функциональными коммуникативными задачами.

Мы предлагаем выделять в институциональном дискурсе коммуникативные стратегии на основании основных видов деятельности агентов института. Применительно к педагогическому дискурсу это объяснение, контроль, оценка и др., к медицинскому дискурсу — диагностика, лечение, рекомендация. Логопедический дискурс сочетает в себе элементы медицинского и педагогического общения.

Таким образом, прагмалингвистические модели описания логопедического дискурса представляют собой функционально уточненные характеристики коммуникативных постулатов, речевых актов, типов аргументации и коммуникативных стратегий. Отличительными признаками этого дискурса являются его социальная цель — оказание квалифицированной помощи пациенту специальными средствами в виде системы упражнений по устранению речевого дефекта, высокая предсказуемость коммуникативных действий, явно выраженная персуазивность и конвенциональность, выражаемая с помощью стандартного набора терминов, вопросно-ответных единств, рекомендаций и коммуникативных реакций фатического порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grice H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Syntax and Semantics 3. Speech Acts*. — New York : Academic Press, 1975. — P. 41-58.
2. Leech G.N. *Principles of Pragmatics* / G.N. Leech / — London : Longman, 1983. — 250 p.
3. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. — 183 с.
4. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. — 376 с.
5. Kramarae C. *Introduction: Toward an Understanding of Language and Power* / C. Kramarae, M. Schulz, W.M. O'Barr // *Language and Power*. C. Kramarae et al. (Eds.). — Beverly Hills : Sage, 1984. — P. 9-22.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. — 330 с.
7. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. — М. : Добросвет, 1997. — 600 с.
8. Стернин И.А. Риторика / И.А. Стернин. — Воронеж : Кварта, 2002. — 224 с.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1999. — 285 с.
10. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 384 с.

*Бейлинсон Л.С.,
Волгоградский государственный педагогический
университет.
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры специальной педагогики и психологии
e-mail: lbeilin@yandex.ru*

*Beilinson L.S.,
Volgograd State Pedagogical University.
Candidate of Philology (Ph.D.),
Associate professor, Department of Special Pedagogy
and Psychology.
e-mail: lbeilin@yandex.ru*